

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Не судьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636945

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Апрель улыбался безоблачным небом, светлым голубоватым эфиром, золотым солнцем, царственно завладевшим синим куполом и пробужденной молодой природой.

Апрель улыбался...

Лидия Алексеевна Чарская

Не судьба

Апрель улыбался безоблачным небом, светлым голубоватым эфиром, золотым солнцем, царственно завладевшим синим куполом и пробужденной молодой природой.

Апрель улыбался...

С ним улыбалась жизнь...

Дыхание весны, тонкое, благоуханное, страстное, давало себя чувствовать всему живущему и откликнувшемуся на радостно-юный ее призыв...

Смуглая, худенькая Лулу, с некрасивым личиком и угловатыми движениями шестнадцатилетнего подростка, тихо ступала, по влажному еще от первого апрельского дождя песку аллеи.

Одной рукой она поддерживала юбку, поддерживала без всякой надобности, потому что юбка едва доходила до щиколотки, а другой смахивала зонтиком капли дождя с подорожных молодых липок, готовых раскрыть свои позеленевшие почки.

Кузен Пика, толстый коротенький кавалерийский юнкер, выступал подле Лулу особенной походкой с «развальцем», свойственной одним кавалеристам.

Через открытые окна нижнего этажа лилась свободная и сильная трель заезжего тенора Борского, ярого поклонника

матери Лулу. Лулу слышала пение Борского, смотрела в голубое небо большими вопрошающими глазами, скашивая их по временам на коротенькую фигуру Пики, и была счастлива.

Пика ей нравился давно, когда еще двенадцатилетним кадетиком приезжал к ним на каникулы, в это самое «Зеленое», где они с матерью проводят весну до заграничной поездки. Уже тогда она изменила своему любимому герою, Александру Македонскому и влюбилась в Пику... Тогда он был еще худенький, беленький и красивый мальчик – и его сердце было полно ею, Лулу... Теперь он превратился в упитанного, самодовольного кавалериста, проводящего все свободное от занятий время у какой-то Лиз, не то француженки, не то еврейки, и делает долги, чтобы дарить ей бриллианты. Лулу ненавидит эту Лиз, погубившую, по ее мнению, Пику, но разлюбить Пику она не может... После Александра Македонского она признает его, только его... И Пика чувствует это... и доволен... бесконечно доволен... Лулу, правда, некрасива, но у нее миллионы, которые стоят красоты. И потом, красивая жена – бремя. Он видит это по товарищам... К тому же подлой Лизки он не бросит (Пика далеко не считал себя рыцарем в душе и иногда позволял себе вульгарно выражаться)...

Лиз дала ему апломб в кавалерийской школе... Он отбил ее у ротмистра Д. и это подняло его престиж в глазах товарищей... В последнее время она стала не в меру требовательна,

и долги Пики сразу утроились.

Ирина Владимировна Горина, мать Лулу, его двоюродная тетка, не раз намекала ему, что не прочь выдать Лулу за троюродного братца. Ей была в тягость взрослая некрасивая дочь, вывозить которую ей приходилось бы в будущем сезоне.

Его пригласили провести апрель в деревне... Его и тенора... Тенора пригласила Ирина Владимировна для себя, его – для Лулу... Здесь целые дни он слушал пение Борского, вдыхал весенний деревенский воздух, ухаживал явно за Лулу, тайно за ее компаньонкой, пикантной рыжеватой француженкой *m-lle Marie*, и выжидал только момента сделать предложение. И момент наступил... Пение Борского и весеннее утро помогли Пике...

– Лулу! – тихо позвал он кузину, вставшую на колени на чуть зазеленевший газон, чтобы сорвать подснежник.

– Hein? – отозвалась она.

Это «hein» странно напомнило ему далекую Лиз с ее черной шапкой волос, со скрипящим корсетом и грубовато-кошачьими ласками.

«Верно утешается с кем-нибудь, подлая», – мысленно выругался Пика, и стал решительнее.

– Вам нравится голос Борского, Лулу?

– Зачем вам это знать, Пика? Достаточно, что он нравится маман.

Лулу прищурилась и взглянула на Пика. «Она не так глу-

па, – невольно скользнуло в его мозгу. – Но обезьяна, Боже мой, какая обезьяна!» – и снова Лиз, хорошенькая и лукавая с искусно подмалеванными глазками, мелькнула перед ним...

«Чтобы сохранить Лиз – нужны миллионы, чтобы иметь миллионы – надо приобрести Лулу... Test vienx comrae le monde...» – соображал Пика, и глаза его стали меньше и нежнее.

– А вам нравится кто-нибудь, Лулу?

– Это нескромно, Пика!

– Но я не скажу тете, parole d'honneur.

– Тем хуже, и потом, я не боюсь никого и ничего.

«Да она преумменькая! Va! это осложняет задачу», – подумал Пика.

– Лулу! – и Пика коснулся ее худенькой и длинной, как у всех подростков, кисти, – никто вам не нравится, Лулу?

Она вдруг густо покраснела под широкими полями шляпы... Потом указывая рукой, шепнула:

– Наш мостик... Помните наш мостик, Пика?

Он решительно ничего не помнил, но сказал, что помнить, и крепче сжал ее руку.

Она еще больше покраснела, но руки не отняла. Пика начал теряться... К обществу разных Лиз, Анжелик, Мари и пр., и пр. он привык с давних пор и умел ориентироваться в их кругу. Со светской девушкой, хотя бы и кузиной, он оказывается совершенным профаном и потому был бесконечно

благодарен Лулу, которая выручала его...

– Ах, я так хорошо помню этот мостик, – восторженно говорила она. – Мне было тогда восемь лет, Пика, вам двенадцать. Шел дождь, мы убежали от мисс. Мостик был маленький, в одну дощечку, теперь его расширили. Нам надо было на ту сторону... Мои ноги скользили... Тогда вы схватили меня на руки и перенесли... Нам было так хорошо тогда, Пика! Мы были дети...

В ее голосе прозвучало что то новое, болезненно-чуткое, заставившее Пику быстро взглянуть на нее...

– А теперь разве худо? Разве теперь я не могу перенести вас, Лулу?

– Нет, не то. Вы не поняли меня. Тогда вы были свободны, а теперь...

– Теперь? – как эхо прозвучал его вопрос.

– Теперь... у вас есть... ну, дама... очень красивая, для которой вы покупаете бриллианты и делаете долги... Мама запретила мне говорить об этой даме, Пика, но я не могу...

– Кто вам сказал все это, Лулу?

– Вы не рассердитесь?

– Нет.

– Marie! Она все знает. И про маму, и про вас, и про всех, Пика!..

«Ах, скверная девчонка, – мысленно выругался он, – надо быть осторожнее с нею...» И добавил вслух:

– Видите ли, Лулу! Vous etes jeune fille, мне неудобно вда-

ваться в подробности, mais... enfin как могли вы думать? Эта связь – шутка... une bagatelle, о которой и говорить не стоит... Эта... как вы называете, дама давно потеряла мою привязанность... и...

– Вы свободны, как и раньше, Пика?

– Нет, теперь я не свободен, так как я люблю вас, Лулу...

– Ах! – вырвалось из ее груди свободным и радостным звуком. – Ах, Пика, благодарю вас!

Он удивленно оглянулся. За что благодарила она его – эта смуглая некрасивая девочка? Неужто в самом деле она его любить?

– Гм! Гм! и весело и смешно! Пику никто еще не любил никогда в жизни... Никто не благодарил его за любовь. Он дарил и кольца, и серьги, его трепали за это по щекам, ему отдавались, его ласкали, но ни одного коротенького «mersi», освещенного чувством.

Он взглянул на Лулу, взглянул на концы своих лакированных сапог и произнес, мгновенно обливаясь потом:

– Хотите быть моею женою, Лулу?

– Да, да! – тихо, совсем тихо произнесла Лулу и стала посреди дорожки, точно выжидая.

«Надо ее поцеловать!» – пронеслось вихрем в его голове и осторожным жестом, совсем ему не свойственным, он притянул к себе девушку и приложился губами к ее худенькой смуглой щеке.

Она доверчиво ответила ему поцелуем. Весна так щедро

рассыпала свои ласки, тенор Борского так заманчиво звенел, полный истомы, жизнь казалась такой светлой и прекрасной...

И она ощутила в груди горячий прилив чувства к этому толстенькому Пике, давшему ей столько счастья... Ей так хотелось счастья... Иметь свой дом, уйти в заботы о муже и детях... Дети! Она не понимает счастья без них... Она их будет любить, нежить... а они – называть ее мамой... и также любить ее... Она не будет выезжать, она забудет весь мир в своей семье, в своем доме и будет счастлива, как никто... Она не знала материнской ласки... Ее мать слишком прекрасна и недоступна и слишком отдалась свету... О, она будет иначе относиться к детям, которыми подарит Пика!

Она простить ему его прошлое... «Мужчина без прошлого – не мужчина», – говорить мама... Но его будущее и настоящее принадлежит ей, одной ей...

И под треск кузнечиков и пение Борского, вся согретая весенним солнцем и неожиданной лаской судьбы, Лулу шепчет тихо, тихо, чуть слышно:

– О, как я счастлива и как я люблю вас, Пика!

Теплая апрельская ночь замирает с нежной истомой... Серые сумерки давно окутали дом, сад и окрестности...

Но Лулу не спится... Ей душно... Она накинула на плечи пеньюар и подошла к открытому окошку...

Вечером, уходя спать, она шепнула матери о предложенных

Пики и та поздравила Лулу...

И с Пикой они еще раз поцеловались в аллее...

Она – невеста... Она его любит больше, чем любила в детстве, гораздо больше... Она теперь не совсем одинока. Ей не надо ни матери, ни Marie, вертлявой и бойкой щебетуньи... у нее будет жених, потом муж и дети...

При воспоминании о детях, сердечко ее екнуло и забилося...

Лулу прижалась головой к оконному стеклу и мысленно стала перебирать в мыслях все происшедшее с ней сегодня... Она улыбалась... Каким сладким чадом была полна ее молодая головка и горячее сердце! Она желала бы, чтобы этот сладкий чад длился долго, долго и никогда бы не рассеивался...

Кто-то быстро-быстро пробежал под окнами, точно преследуемый кем-то.

Лулу нагнулась и из второго этажа, где помещалась ее комната, в серых сумерках апрельской ночи увидела бегущую Marie с двумя рассыпавшимися рыжими косами.

– Tsss! tsss! – звенел откуда-то звонкий шепот Пикиного голоса, и она увидела его, настигавшего Marie, в белом кителе и фуражке.

– Tsss! sans tapage, malheu reuse! – шептал он и, поймав Marie за руку, стал целовать ее быстро-быстро в лицо, грудь и шею.

Она отбивалась и ежилась.

И оба захохотали, как безумные.

– Que va dire ton gros sac d'argent, ta Loulou adoree? – с бесстыдной наглостью шепнула француженка.

– Que m'importe, – беспечно, почти в голос крикнул Пика и вдруг, подняв случайно голову, в амбразуре окна увидел бледное лицо Лулу, искаженное мукой.

– Tiens! – совсем глупо протянул он и улыбнулся растерянной улыбкой.

Marie быстро исчезла, подбирая на ходу под большой гребень свои рыжие косы.

А Лулу все стояла, молча неподвижно, как статуя отчаянья и горя...

Медленно, как струны со звоном и болью, лопались и исчезали все ее сладкие грезы, все ее светлые надежды... Впереди ее было темно и пусто, как было темно и пусто во всю ее коротенькую, никому ненужную маленькую жизнь...

Восток давно заалел румянцем восхода, когда Лулу очнулась и отошла от окна... Легкая дрожь пробежала по всему ее худенькому телу: от свежести ли весеннего утра или от душевного холода и пустоты, она не знала...

Она знала только одно, что дом, семья и дети не для нее – бедного смуглого уроды... Она – денежный мешок, le gros sac d'argent, как назвала ее справедливо Marie...

И она найдет в себе достаточно гордости, чтобы не покупать себе мужа за деньги, за свои миллионы...

Она останется одинокой...

И решив это, бедняжка Лулу бросилась в постель и, зарывшись головой в подушку, плакала... плакала... плакала...